

Виктор АкопянDOI: <https://doi.org/10.31648/apr.4880>

Пятигорский государственный университет

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4734-1905>

zaven2005@yandex.ru

К истории создания польских национальных секций при партийных и государственных органах власти на Юге России (1920-е годы)

Статья посвящена созданию и основным направлениям деятельности польских секций при партийных и государственных органах власти на Юге России в первое советское десятилетие. Национальные секции создавались тогда для работы среди этнодисперсных групп, то есть народов, проживавших за пределами своих государств. В официальной советской терминологии того времени эти группы именовались национальными меньшинствами, или нацменьшинствами.

Обширный регион Юга России, называвшийся в начале 1920-х годов. Юго-Востоком, включал Дон и Северный Кавказ, и в первые советские десятилетия являлся единой административной единицей РСФСР с центром в Ростове-на-Дону. В нем располагался высший партийный орган региона – Юго-Восточное бюро Российской коммунистической партии большевиков (РКП(б)), со второй половины 1924 года называвшийся Северо-Кавказским краевым комитетом РКП(б).

В 1922 году был подготовлен проект создания Юго-Восточной области, с тем чтобы объединить территории Ставропольской и Терской губерний, Донской и Кубано-Черноморской областей, горских автономий. 1 июня 1924 года Президиум ВЦИК РСФСР законодательно закрепил образование Юго-Восточной области, которая в начале октября 1924 года была преобразована в Северо-Кавказский край (СКК). Площадь края составляла 293 000 км², а население – 8,3 миллиона человек. СКК объединял 20 административных единиц. В их числе: округа (Армавирский, Донской, Кубанский, Майкопский, Ставропольский, Таганрогский, Терский, Черноморский и др.), 6 автономных областей и два города (Владикавказ и Грозный) с правами автономных округов. Все округа и автономии (Дагестанская АССР вошла в состав края в 1931 году) напрямую подчинялись Ростову-на-Дону [Акопян 2010]. В свете

новой территориальной конструкции региона сформировалась структура краевых партийных организаций: Краевой комитет (крайком) Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ВКП(б)) – окружные и областные (в автономиях) комитеты – районные комитеты (райкомы) – первичные партийные организации (партячейки). Аналогичную структуру имели органы государственной власти, подотчетные партийным организациям.

Предварим материал, посвященный польским национальным секциям, общей характеристикой польского населения Юга России.

После трех разделов Речи Посполитой большая часть польских земель вошла в состав Российской империи, что привело к добровольному и принудительному перемещению польского населения на Юг России. Принудительные переселения осуществлялись с завидной регулярностью: от военнопленных-поляков наполеоновской армии, рекрутов, политических ссыльных, осужденных за участие в восстаниях (1830–1831 и 1863–1864 годов) и других революционных выступлений до военнослужащих, направленных на длительный период в регион. Так, после польского восстания 1863–1864 годов на Северном Кавказе находилось около 10 тыс. поляков – как ссыльных, так и военнослужащих царской армии [Боголюбов 2008, 112]. Немало военнослужащих после завершения службы и ссыльных после отбывания срока наказания оставалось в регионе со своими семьями. Имел место и обратный процесс: возвращение на родину или переезд в другие губернии.

Данные о численности поляков весьма противоречивы из-за частых перемещений их из одного региона в другой. Увы, книги приходов Римско-католической церкви (РКЦ) редко содержат данные об этнической принадлежности прихожан, большая часть которых, есть уверенность, состояла из поляков.

В пореформенный период и особенно на рубеже XIX–XX веков основной поток польских переселенцев состоял из гражданских лиц (рабочие и служащие), поселявшихся в городах Юга России. По данным Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года на Северном Кавказе проживало 7853 человека, считавших родным польский язык. Данные по отдельным территориям были следующие: в Кубанской области – 1852 мужчины и 867 женщин, в Терской области – соответственно 3407 и 766, в Черноморской губернии – 498 и 233, в Дагестанской области – 1515 и 115 [Кавказский календарь 1909, 524]. В Донской области числилось 3316 человек, назвавших польский родным языком [Первая Всеобщая перепись 1905]. Но эти данные реально не отражали количество поляков, так как не менее половины их называли родным русский язык [Цифанова 2005, 145].

Дисперсное проживание, несмотря на стойкое национальное самосознание у поляков, приводило к ассимиляции. Образование смешанных семей способствовало отвыканию от родного языка. И этот процесс примет еще более массовый характер в советский период, когда будут ликвидированы приходские школы.

Численность польского населения России возросла в несколько раз за счет массового притока беженцев во время Первой мировой войны. Тысячи беженцев-поляков поселялись в городах и других населенных пунктах, особенно там, где уже имелись общины, как правило, объединенные в католические приходы: Ростов-на-Дону и Новая Нахичевань, Таганрог, Екатеринодар, Армавир, Новороссийск, Пятигорск, Ставрополь, Владикавказ, Грозный и др. При костелах действовали приходские школы, национальные культурные, благотворительные и общественно-политические организации. По сведениям Петроградского «Польского общества вспомоществования жертвам войны» (ПОВЖВ) к концу 1916 года их численность по всему Кавказу, Донской области и части Крыма составляла 50 885 человек. Возможно, эту цифру общество несколько преувеличило. Но без Закавказья численность беженцев-поляков вполне могла приближаться к двум десяткам тысяч человек. Накануне окончательного установления советской власти в начале 1920 года численность поляков на Юге России составляла 32 851 чел. [Боголюбов 2008, 149]. С учетом постоянных жителей эта цифра выглядит вполне правдоподобно. Тем более, что массовая репатриация польских беженцев и военнослужащих из региона после восстановления в ноябре 1918 года польской государственности в форме Польской Республики (II Речь Посполитая) вплоть до 1921 года была затруднена из-за гражданской войны и советско-польской войны (1919–1921).

В результате массовой репатриации численность польского населения на Юге России значительно сократилась. Об этом свидетельствуют результаты Всесоюзной переписи населения 1926 года. В СКК проживало 18 425 поляков, в том числе 12 588 горожан и 5837 сельских жителей. Еще 460 поляков перепись учла в Дагестанской АССР [Всесоюзная перепись 1928, 52–56]. Польское население Юга России среди дисперсных этносов, насчитывавших 44%, уступало лишь украинцам (к ним отнесли себя многие казаки), армянам, немцам, белорусам, евреям, грекам, превосходя по численности многие коренные народы. В досоветский период оно даже входило в первую пятерку дисперсных этносов.

С началом Великого перелома (с конца 1920-х годов), ознаменовавшегося тотальным наступлением на собственников-нэпманов, массовыми репрессиями в отношении духовенства и «буржуазной интеллигенции»,

обвиненной в национализме и антисоветской деятельности, численность польского населения Юга России еще больше сократилась. В этот период многие поляки, по переписям 1937 и 1939 годов, предпочитали отнести себя к русским, украинцам или белорусам. Однако 30-е годы не входят в объект рассмотрения данной статьи, так как польские секции к тому времени были ликвидированы [Акоюн 2014].

После советизации Юга России новая власть не могла позволить себе оставить без опеки сравнительно крупную этническую группу, имевшую «высокий индекс» образованности. По статистическим данным начала 1920-х годов, по уровню грамотности поляки (около 83% мужчин старше восьми лет и более 73% женщин этого же возраста) опережали другие национальные группы [Кубанский 1925, 242]. Власти преследовали цель нейтрализовать имевшееся среди части поляков негативное отношение к советской власти, попытаться привлечь на свою сторону другую часть или, по крайней мере, добиться лояльности к новому режиму. Впрочем, большинство поляков в период Гражданской войны соблюдало нейтралитет по отношению к противоборствующим силам.

Определяющую роль в национальной политике играла компартия, поэтому ее органы по национальным делам (коммунистические секции) возвышались над всеми остальными государственными подразделениями. Правда, в период Гражданской войны, когда большевики из тактических соображений сохраняли в низовых советах левую многопартийность, национальными делами непосредственно занимался Народный Комиссариат по делам национальностей (Наркомнац, НКН) и его национальные подразделения. Руководство РКП(б), опасаясь, что национальные структуры внутри партии могут подорвать «интернациональное» единство партийной дружины, в первое время воздерживалось от их создания. Впрочем, НКН под руководством Сталина в национальном вопросе проводил партийную линию. В декабре 1918 года этот наркомат принял инструкцию «Об организации отделов по делам национальностей». На отделы и их секции возлагалась обязанность объединять, направлять работу губернских и уездных подразделений нацменьшинств, наблюдать за проведением в жизнь мероприятий советской власти; организовывать культурно-просветительную работу и т.д. [Политика Советской власти 1920, 147].

Польский комиссариат (Временный комиссариат по польским делам при НКН) появился одновременно с образованием самого наркомата. Его руководителем стал член Исполкома групп Социал-демократической партии Польши и Литвы (СДППиЛ) в России Юлиан Лещинский. В состав Польского

комиссариата (ПК) вошли представители левого крыла Польской социалистической партии (ПСП) и СДППиЛ. Печатным органом ПК стала газета «Ведомости Комиссариата» («Wiadomości Komsariatu»).

На Юге России в короткий временной отрезок периода гражданской войны (до занятия региона белыми) подразделения ПК действовали в тех районах проживания поляков, где власть находилась в руках революционных комитетов (ревкомов) и советов.

Основную свою миссию польские комиссариаты Юга России видели в работе с беженцами и отправке их в Польшу, получившую по условиям Версальского договора независимость. Причем организаторами ПК на местах выступали чаще всего не члены РКП(б), а представители левых партий, поддержавших советскую власть. Например, в Пятигорске инициаторами организации ПК выступили Союз военных поляков, Союз прогрессивной молодежи, Социалистический клуб, Демократическое объединение беженцев и местное отделение ПОВЖВ. В состав Пятигорского комиссариата вошли: В. Чарнецкий (комиссар), Ю. Миткевич, Т. Кизлер, Мея-Польска, Келецкий. При нем действовали отделы по делам беженцев, по демобилизованным, по делам пленных, по юридическим вопросам, рабочее бюро. Комиссариат поддерживал связь с ПК НКН. Армавирский ПК возглавлял член левой фракции ПСП Копчинский, а в Туапсе его организаторами стали представители ПСП и Союза эвакуированных железнодорожников (руководитель Ян Голембиовский). ПК преимущественно занимались оказанием материальной помощи беженцам. Эта проблема была в центре внимания съезда руководителей польских комиссариатов Юга России, собравшегося 12 февраля 1918 года в Армавире [Боголюбов 2008, 152].

В мае 1920 года, то есть сразу после завершения гражданской войны, ВЦИК РСФСР утвердил постановление «О реорганизации Народного Комиссариата по делам национальностей». Работой среди соответствующих национальностей руководили отделы (в т.ч. и польский), а в регионах – их уполномоченные при отделах по делам национальностей [Политика Советской власти 1920, 147].

Однако теперь политические функции ПК при НКН и его подразделения в регионах сужаются и полностью переходят к Центральному Польскому бюро (ЦПБ) при ЦК РКП(б), возглавляемому секретарем С.Л. Гельтманом. Организационное бюро ЦК РКП(б) 26 сентября 1921 года одобрило «Положение о подотделах нацменьшинств и национальных секциях агитационно-пропагандистских отделов партийных комитетов». В соответствии с ним все национальные секции должны были создаваться при подотделах нацменьшинств,

которые в свою очередь входили в состав агитационно-пропагандистских отделов (АПО) местных партийных организаций [Положение о подотделах 1921, 8].

ЦПБ, как и входившие в подотдел нацменьшинств АПО ЦК бюро и комсекции других европейских народов, должны были всемерно содействовать «экспорту революции» в свои страны. Не выполнив эту «историческую миссию», некоторые из них, включая ЦПБ, вскоре были упразднены. Однако это решение не распространялось на польские секции в регионах. Им предстояло сосредоточиться на работе среди поляков, имевших советское гражданство, или беженцев, еще не успевших репатриироваться в Польшу.

К национальным секциям возник особый интерес с переходом к новой экономической политике (нэпу), когда классовая структура общества усложнилась, а разнообразные социальные и, прежде всего, национальные интересы создавали объективные предпосылки для формирования многопартийности. В этой связи польские партийные секции призваны были «заместить» как ликвидированные польские левые партии и союзы, ранее сотрудничавшие с советской властью, так и «неформальные» культурно-просветительские организации, находившиеся вне государственного контроля. Тем более, что в первое время приступившие к работе сразу же после установления советской власти на Юге России польские и другие национальные секции имели некоторую «автономию» внутри комитетов РКП(б), что создавало их внешнее сходство с «неформальными» национальными организациями, все еще действовавшими легально.

Им также предстояло нейтрализовать и подготовить почву для ликвидации пользовавшихся огромным влиянием среди польского населения религиозных организаций РКЦ, не подконтрольных власти.

Польские партийные секции и национальные структуры в государственных органах (уполномоченные при советах национальных меньшинств органов народного образования, нацменкомиссии исполкомов и др.) призваны были выполнять роль «приводных ремней» в продвижении национальной политики советской власти: учитывать культурные и бытовые особенности польского населения, содействовать властям в проведении мероприятий по вовлечению его в советское, культурное и хозяйственное строительство.

Они рассматривались и как «форма представительства» поляков в органах власти, и как часть т.н. политики «коренизации». Через национальные секции власть осуществляла рекрутирование наиболее активной и компетентной части «национальной элиты» в формирующуюся в стране номенклатурную систему.

Наконец, секции должны были стать передовым боевым отрядом, который при благоприятных условиях должен был «десантирован» в Польшу.

В южнороссийском регионе эмиссары ЦПБ пытались сформировать свои подразделения уже в период гражданской войны. Однако они не имели положительный результат, так как до 1920 года не было ни одной территории, где советская власть сохранялась бы сколько-нибудь продолжительное время.

Раньше, чем в других районах Юга России, польская секция оформилась в Донской области. По решению Донского комитета РКП(б) в конце августа 1920 года был создан Отдел национальных меньшинств (Нацотдел), при котором наряду с другими с сентября приступила к работе польская секция [Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф.Р.–4. Оп. 1. Д. 27. Л. 14].

В отчете Нацотдела Донкома сообщалось, что «Польский отдел работал довольно хорошо». Однако в связи с отправкой на фронт большинства коммунистов выявились недостатки в пропагандистской работе. Наоборот, отмечалось в отчете, основное внимание было обращено на культурно-просветительную деятельность. «Устраивались концерты-митинги, лекции и т.д. При клубе организована хорошая драматическая студия, библиотека (...). Организован союз польской молодежи, устанавливается связь и ведется работа среди поляков-красноармейцев и военнопленных» [ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 17].

Для преодоления относительной самостоятельности нацсекций в конце 1920 года при АПО Донкома РКП(б) был создан национальный подотдел, куда вошли и секретари национальных секций [ЦДНИРО. Ф.Р.–4. Оп. 1. Д. 17. Л. 7]. Организация подотдела понизила статус национальных секций.

Польская секция проявляла особую активность в Ростове-на-Дону. Ее центром, так же как и союза польской молодежи, был клуб им. Людвика Варынского с залом и сценой. В клубе имелаась библиотека с литературой на польском языке, выписывались газеты (в т.ч. из Польши), регулярно проходили заседания секции и собрания граждан. В апреле 1921 г. при клубе открылись школа ликбез (ликвидации безграмотности) и детский сад. В клубе работали кружки, регулярно демонстрировались кинофильмы, ставились спектакли на родном языке, проводились вечера и даже балы. По этому поводу газета Юга России сетовала: «Недавно устраивалось несколько балов с танцами... Место ли этому в рабочем пролетарском клубе?» [Советский Юг 1921, 9 апреля; 20 ноября].

Газеты регулярно публиковали объявления о планируемых мероприятиях польской секции и отчеты об их проведении. Например, в газете «Советский Юг» было помещено типичное извещение: «В воскресенье, 30 января в 7 час.

вечера, в помещении польского рабочего клуба им. тов. Л. Варинского (по Дмитриевской ул., 133) состоится митинг на тему: 'Укрепление хозяйственного строительства', после которого будет поставлен спектакль-концерт и кино-картина» [Советский Юг 1921, 15 янв.]. Та же газета 20 марта сообщила: «В польском рабочем клубе им. тов. Л. Варинского (...) с 20 по 31 марта будет прочитан цикл лекций представителем Польбюро ЦК т. Лещинским». К объявлению прилагалась тематика 10 лекций [Советский Юг 1921, 20 марта].

Значительным мероприятием, проведенным секцией, стала конференция поляков Ростова (апрель 1921 года). В ее работе приняло участие 300 делегатов.

Надо признать, что у большинства польского населения интерес вызывала не столько проблема строительства социализма в условиях перехода к нэпу, сколько возможность быстрее возвращения на «буржуазную родину». Желающие вернуться потянулись к границе, но в связи с тем, что самостоятельный переезд отдельных граждан запрещался, на пунктах отправки скопились десятки тысяч поляков – транспортные возможности позволяли в организованном порядке пропускать через границу не более 4 тысяч человек в неделю.

Иные интересы преследовала польская секция. За неделю до проведения конференции секция определила ее главную задачу – дать гражданам, отъезжающим в Польшу, четкую установку: «с какими целями» и в качестве кого они туда отправляются. Стремление многих поляков вернуться в Польшу после подписания между РСФСР и Польшей Рижского мирного договора (18 марта 1921 года) секция объясняла желанием репатриантов помочь «приблизить неизбежную революцию» на родине.

В связи с вышеизложенным в принятой на конференции резолюции отмечалось, что «война с Советской Россией исчерпала все запасы и ресурсы в Польше», что, по мнению авторов резолюции, неизбежно вызовет в Польше социальную революцию [Советский Юг 1921, 9 апреля]. И поэтому, подчеркивалось в извещении о конференции, поляки отправляются туда как «революционный элемент в Польше, который и взорвет вместе с местными рабочими и крестьянами ее политический и общественный строй» [Советский Юг 1921, 1 апреля].

Так как Польша пыталась переложить расходы по возвращению поляков на советские власти, в резолюции ставилась задача «требовать от польского правительства возможно быстрого возвращения на родину рабочих и крестьян на равных правах, без специальных привилегий для отдельных групп и единиц», и самое главное, взять на себя часть проездных расходов [Советский Юг 1921, 9 апреля].

Усердная деятельность польской секции ослабла, когда власти потребовали организовать отправку в Польшу части поляков-коммунистов для проведения там пропагандистской работы.

В других регионах Юга России партийные и советские власти негативно относились к особой «польской работе», считая, что в скором времени основная масса поляков уедет на родину. Причем дополнительное раздражение у властей вызывала нескрываемая радость отъезжающих, включая и членов партии, также заявлявших о своем желании поскорее покинуть страну «трудящихся». Поэтому только возникшие польские секции при ряде обкомов и уездных комитетов под предлогом финансово-экономического кризиса и сокращения численности польского населения к концу 1921 года были упразднены. Так, например, Таганрогский партком сообщал, что в связи с эвакуацией польских беженцев польская секция была упразднена [ЦДНИРО. Ф.Р.–104. Оп. 1. Д. 27. Л. 44].

Сохранилась лишь польская секция при Донкоме РКП(б) и то потому, что Ростов стал местом пребывания Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). 12 мая 1921 года было утверждено «Положение о Юго-Восточном бюро ЦК РКП(б)», предусматривавшее организацию агитационно-пропагандистского отдела с подотделом нацменьшинств. При последнем сразу же были организованы восемь национальных секций, включая и польскую [Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 65. Оп. 3. Д. 3. Л. 18, 20].

На Дону и Северном Кавказе новый этап в деятельности национальных секций и других структур, занимавшихся этнодисперсными группами, начался с завершением процесса объединения региона в рамках СКК. Руководство края (до 1926 года возглавлял крайком А.И. Микоян) поддержало принятые на высшем партийном уровне решения, подтверждавшие целесообразность национальных секций. Перед ними ставились задачи максимально вовлечь дисперсные этносы в «социалистическое строительство». Позитивным фоном в деятельности секций стала новая экономическая политика, повлиявшая на частичную либерализацию общественной жизни. В этот период несколько снизилось давление на приходы РКЦ, в ряде городов возобновили работу польские школы и клубы.

К середине 20-х годов оформились краевые национальные секции наиболее многочисленных дисперсных этносов. Несколько позднее была создана и краевая польская секция. Несмотря на сокращение польского населения вследствие репатриации, по численности членов партии среди нацменьшинств поляки занимали пятое место. В 1925 году на учете в крае состояло 1180

украинцев, 916 армян, 845 евреев, 448 поляков, 366 латышей, 302 немца, а также представители других национальностей [ЦДНИРО. Ф.Р.–7. Оп. 1. Д. 559. Л. 16].

Национальные секции входили в состав подотдела нацменьшинств АПО крайкома. Его в 1926–1927 годы возглавлял Павел Донатович Лещинский¹, способствовавший оформлению как краевой, так и региональных польских секций.

Оформление краевых польских секций содействовало активизации их деятельности в округах. На Дону самой деятельной была польская секция в Ростове (секретари Гродский и Минейко), где имела значительная прослойка из рабочих и служащих. Краевые и окружные газеты регулярно помещали объявления о проводимых секцией мероприятиях и собраниях.

Чтобы вернуть национальную общину под контроль советской власти, польская секция инициировала проведение различных политических мероприятий при клубе и школе. Так, например, удобным поводом для этого стала очередная дата «низвержения самодержавия».

Краевая газета опубликовала следующее объявление: «Отдел Национальных Меньшинств Агитпропа Донкома Р.К.П. назначает Торжественное Общее Собрание по поводу низвержения самодержавия во вторник 11 марта. Приглашаются трудовые граждане Национальных Меньшинств. Членов Р.К.П. и Р.К.С.М². явка обязательна». Сообщалось, что собрания будут проходить на родных языках. Для польской секции отводились помещения Донского окружкома по ул. Ф. Энгельса (ныне – ул. Большая Садовая), № 115, 3-й этаж в 6 часов вечера (докладчики Сухарев, Гродский). Всем докладчикам «предстоит зайти в Нацмен за получением тезисов 10 марта, в 12 часов дня» [Советский Юг 1924, 11 марта].

В Таганроге во второй половине 20-х гг. тоже действовала польская секция. В состав бюро секции входили Садовский (секретарь), Городецкий, Шилке, Мрозек, Болеславский [ЦДНИРО. Ф.Р.–104. Оп. 1. Д. 184. Л. 159].

В Кубанском округе в первое время работу среди польского населения проводила объединенная западнославянская секция, занимавшаяся всеми

¹ П.Д. Лещинский (1895–1938) родился в Петербурге, до 1917 г. активно участвовал в революционном движении. После установления советской власти возглавлял партийные организации в регионах РСФСР. В 1925–27 гг. руководил обкомом ВКП(б) Кабардино-Балкарской АО, а в 1926–27 гг. являлся заместителем заведующего АПО Северо-Кавказского крайкома. Имея польское происхождение, в ряде документов был записан белорусом. В 1938 г. Лещинский был обвинен в контрреволюционной деятельности и расстрелян. Реабилитирован в 1957 г. [Акоюн 2014, 282].

² Р.К.С.М. – Российский коммунистический союз молодежи.

группами славянского населения. Центр секции располагался в краснодарском интернациональном клубе «Дом Просвещения» [Советский Юг 1924, 17 апреля].

Польские секции и уполномоченные исполкомов и отделов народного образования вели работу среди польского населения во всех округах Кубани – Армавирском, Кубанском, Майкопском, Черноморском.

Нередко окружные комитеты (окружкомы) прекращали финансирование штатов польских секций. Так, еще до разделения на округа Кубано-Черноморский обком в 1924 году принял решение ликвидировать польскую секцию, одну из самых активных и со значительным числом членов партии (56 человек). Это мотивировалось малочисленностью поляков, хотя, вероятно, причина крылась в опасении, что секция могла стать «пятой колонной» Польши [Центр документации новейшей истории Краснодарского края [ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 355. Л. 17].

Наибольшую активность проявляла польская секция в Новороссийске. Причем ее деятельность активизировалась в тот период (1928–1930), когда в других регионах она имела тенденцию к свертыванию. В 1928 году в бюро секции входили Сильманевич (секретарь), Вальтер, Ненальтевский, Вуйван, Леснович, Мацеяш, Шимановский, Жилинский, Петрук. В последний год секцию возглавлял Лукашевский [ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 875. Л. 8]. В одном из протоколов окружкома также упоминаются фамилии членов бюро секции Нетальдовский и Сельмановский [ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 923. Л. 7]. Возможно, что последняя фамилия искажена, потому что похожа на фамилию бывшего секретаря бюро. Неизвестно, это другое лицо или ошибка, сделанная составителем протокола заседания.

В условиях развертывающейся в стране индустриализации окружные власти были заинтересованы в работе секции среди рабочих польской национальности. Поляки составляли значительный процент среди рабочих и служащих Новороссийского порта, железнодорожных мастерских и завода «Пролетарий» (Цементзавод) – одного из крупнейших в стране предприятий по производству цемента.

Приведем в качестве примера заседание Бюро польской секции и Коллегии подотдела нацменьшинств Новороссийского окружкома.

Так, на заседании Бюро от 22 ноября 1928 года была заслушана информация Вальтера, курировавшего рабочих-поляков в железнодорожных мастерских. В принятом постановлении говорилось: «Признать, что за последнее время в работе прикрепленных наблюдается стремление к работе и налаживанию связи с Бюро ячейки. В дальнейшем поручить т. Вальтеру поставить на заседании Бюро комячейки железнодорожных мастерских вопрос о содействии

последней в работе и скорейшем оборудовании при клубе Маркова уголка, выписав (...) необходимую литературу, [особенно] газеты на польском языке, и проводить работу согласно планам» [ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 875. Л. 7–8]. 18 июля Коллегия подотдела нацменьшинств окружкома, по докладу о работе польской секции, отметила «некоторый сдвиг» в работе секции, особенно среди рабочих Цемзавода «Пролетарий».

Вместе с этим Коллегия назвала следующие «основные недочеты» в работе польской секции: крайне недостаточно развернута массовая политико-просветительная работа среди поляков на производстве; слабое участие рабочих-поляков в работе по рационализации производства, снижению себестоимости, в работе производственных комиссий и соцсоревновании; недостаточная работа по «выращиванию актива, для выдвижения их на руководящую работу, а также втягивание их рабочих в ряды партии»; крайне слабая постановка дела партпросвещения среди поляков, недостаток политической литературы и отсутствия пропагандистов из поляков на своем родном языке; «слабое проведение разъяснительной кампании по антирелигиозной пропаганде как в городе, так и в деревне, отсутствие работы по подготовке пропагандистов антирелигиозников» и др. В контексте отмеченных «недочетов» перед секцией ставились соответствующие задачи [ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 875. Л. 8].

По нашему мнению, главным вопросом этого заседания были не производственные вопросы, а получение от поляков (не важно, что они не являлись прихожанами РКЦ) одобрения на закрытие костела с последующей ликвидацией прихода. Этот вывод делается на основе аналогичных решений, принятых другими национальными секциями по «своим» культовым сооружениям. В этой связи процитируем последний пункт постановления Коллегии: «Предложить Окрнацпольсекции в 2-недельный срок проработать совместно с Чешской комсекцией ряд мероприятий по антирелигиозной пропаганде, а также проработать вопрос о закрытии костела» [ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 923. Л. 8].

В Ставропольском округе польская секция работала в окружном центре. Как видно из годового отчета (1926), секция сконцентрировала свою работу при школе, где имелся клуб со сценой. При клубе имелась библиотека, работавшая на средства, собранные с членов клуба и спектаклей. Каждое воскресенье проводились собрания граждан, «на которых ставились доклады о событиях в Польше и др., но с наступлением лета работа прервалась и теперь только возобновляется. Польского населения всего 637 человек» [ГАНИСК. Ф. 6325. Оп. 1. Д. 2. Л. 46].

Как и в других округах, численность польского населения занижалась. Например, в Терском округе (центр г. Пятигорск) власти сообщали о 500 жителей в середине 20-х годов. Однако окружная польская секция оспаривала эти данные, считая их заниженными. Пытаясь получить для себя максимальное количество штатов, такую же позицию занимали и другие нацсекции.

Попытки краевой секции наладить выпуск своей газеты закончились безрезультатно. Поэтому библиотеки при польских клубах и школах снабжались периодической печатью, издававшейся в разных городах СССР на польском языке при содействии Польского бюро ЦК РКП(б): «Коммунистична Трибуна», «Серп» (Киев), «Молот» (Минск) и др. [Руководство работой 1924, 33].

Следует отметить, что внутри партийных организаций СКК отношение к краевой и региональным польским секциям было двусмысленным и даже настороженным. Это объяснялось не только неудачей в советско-польской войне, отсутствием в Польше «предпосылок» для революции и враждебного отношения к Советской России польского правительства и значительной части польского общества, но и якобы нелояльной позицией к советской власти части польских общин Северного Кавказа, особенно духовенства. Наглядной иллюстрацией сказанному служат материалы заседаний крайкома и ряда окружных комитетов ВКП(б).

Так, например, на заседании бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) 3 декабря 1926 года слушался вопрос «О работе польских комсекций при АПО облкомов и окркомов». Комиссия, накануне изучавшая деятельность секций, подготовила предложения, в которых констатировалось: «Отмечая наличие враждебного отношения на национальной почве со стороны некоторой части польского населения на Северном Кавказе по отношению к русскому населению как реакция, все еще продолжающая существовать среди поляков к проводимой ранее царской политике, с одной стороны, и религиозных предрассудков – с другой, а также наличие религиозных учреждений, действующих под руководством из-за рубежа, и влияние их на польские массы, использование враждебными Советской власти элементами масс польского населения, советских и даже партийных учреждений в целях шпионажа, считать необходимым работу среди польского населения усилить, как в части парализования деятельности враждебных нам организаций и лиц, так и для поднятия культурного уровня трудящихся поляков и приобщения их к социалистическому строительству» [ГАНИСК. Ф. 6325. Оп. 1. Д. 2. Л. 46].

В связи со сложившимся положением основное внимание окркомов обращалось «на подбор работников Бюро Польсекции и организации беспартийного актива при польсекциях, тщательно наблюдая и руководя работой актива

Секции». Предлагалось установить жесткий контроль за их деятельностью, постоянно «улучшать качественный состав». Указывалось на необходимость «привлечь к работе среди беспартийных поляков старых членов партии – поляков, разгрузив их частично от других видов партнагрузки, контролируя их работу через соответствующие парторганы (ячейки, секции, коллегии Подотдела Нацмен, АПО и Бюро Окркома)» [ГАНИСК. Ф. 6325. Оп. 1. Д. 2. Л. 47].

В постановлении крайкома, адресованном партийным и советским органам, польским секциям края предлагалось провести обследование польского населения, выясняя состояние национальных культурно-просветительных учреждений, и выработать меры по их развитию: расширение сети школ, пунктов по ликвидации неграмотности, библиотек, клубов, красных уголков, школ политграмоты [ГАНИСК. Ф. 6325. Оп. 1. Д. 2. Л. 47].

Еще более подозрительное отношение к полякам наблюдалось на местном уровне. Так, в материалах Донского комитета ВКП(б), как и в других парторганизациях края, сложилось устойчивое представление о том, что польское национальное меньшинство является наиболее благоприятной средой для деятельности «шпионских элементов». Ежегодно принимались решения Донкома, его агитпропа или подотдела об организационном «укреплении» польской секции «надежными элементами». Например, 9 июля 1927 года на заседании секретариата Донкома был заслушан доклад секретаря секции Минейко о ее деятельности. В постановлении бюро после традиционного перечисления «некоторых успехов» констатировалось, что работа секции «отстает от активности, проявляемой антисоветскими, подчас контрреволюционными и шпионскими элементами в среде польского населения» [ЦДНИРО. Ф.Р.–7. Оп. 1. Д. 134. Л. 3].

В постановлении ставилась задача «укомплектовать секцию из числа выдержанных и политически развитых членов партии поляков, частично разгрузив их от других видов нагрузки». Польской секции рекомендовалось сконцентрировать свою работу на предприятиях, «имеющих компактные массы трудящихся поляков». В частности, особое внимание требовалось уделить рабочим предприятия «Жесть-Вестен» (Русско-Австрийская концессия), «с соблюдением необходимой тактичности в подходе к этим рабочим» [ЦДНИРО. Ф.Р.–7. Оп. 1. Д. 134. Л. 3]. «Тактичность» нужна была для того, чтобы не спугнуть иностранного инвестора.

Недовольство слабым уровнем пропагандистской деятельности польской секции, возглавляемой Полукардом, выражал Терский окружком. Партийное руководство округа считало, что секция в ущерб пропагандистской работе больше внимания уделяла национальным проблемам. Возможно, этим

обстоятельством, а также неспособностью предотвратить массовый отъезд поляков и даже способствование ему стало причиной смены руководства секции. На заседании бюро секции в январе 1926 года Полукард был освобожден от обязанностей, а секретарем бюро назначен Миндеграль, входивший в его состав. Тогда в бюро польской секции вместе с Миндегралем входили Баханьский, от беспартийных – Вонсовский, кандидаты – Осташевский и Добровская [ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 5. Л. 30].

Через месяц после назначения нового руководителя польским бюро на заседании нацменколлегии при АПО окружка ВКП(б) от 19 февраля 1926 года был заслушан доклад Миндегралья о работе секции. В докладе сообщалось о проведенных двух заседаниях, установившихся тесных связях с краевой польской секцией, о назначенном на 27 февраля общем собрании поляков, о незначительном числе подписчиков на центральную польскую газету. В завершение заседания по предложению польской секции в постановлении было записано: «Поставить вопрос на агитколлегии о принятии мер по отведению для польской секции помещения (трех комнат в польской школе)» [ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 5. Л. 136]. По всей видимости, под «польской школой» имелась в виду приходская школа по ул. Свистуновской (ныне – ул. Анисимова), созданная осенью 1916 года по инициативе настоятеля пятигорского костела Иоганна Рота.

С конца 1920-х годов происходит свертывание деятельности национальных секций, а в начале 1930 г. польские и все остальные секции были ликвидированы.

Оргбюро ЦК ВКП(б) 26 января 1930 года в соответствии с постановлением Политбюро ЦК от 15 января, предусматривавшим «упрощение» организационной структуры партии ради «укрепления ее единства и преодоления различных проявлений оппозиции», признало возможным ликвидировать сектора и бюро по делам нацменьшинств. В феврале Северо-Кавказский крайком утвердил предложения «О реорганизации аппаратов обл. и окркомов ВКП(б)», согласно которым в окружках «ликвидировались инструктора по работе среди национальных меньшинств» и национальные секции [ЦДНИРО. Ф.Р.–7. Оп. 1. Д. 1038. Л. 26–27].

Чтобы успокоить «национальных работников», в соответствии с постановлением Секретариата ЦК ВКП(б) «Об усилении обслуживания нацмен СССР по советской линии» от 21 февраля 1930 года решено было бывших работников национальных секций ВКП(б) направить в советские органы для их «усиления» [О реорганизации аппарата 1930, 71]. В реальности советские органы неукоснительно проводили в жизнь партийные директивы в области

национальной политики. Если раньше национальные партийные структуры советских органов по делам нацменьшинств являлись «покровителями» и «охранителями» от ретивых чиновников, считавших, что работа с нацменьшинствами является «нерациональным использованием» средств, времени и сил, то после ликвидации национальных секций ВКП(б) эта миссия была утрачена, и все остальные структуры по национальным делам при советских органах потеряли свою значимость.

В период Великого перелома властям было не до национальных меньшинств, судьба которых была предрешена: им по решению «Вождя народов» следовало слиться с основной массой населения соответствующих республик.

О национальных меньшинствах теперь вспоминали тогда, когда следовало ускорить выполнение планов коллективизации и индустриализации. Но так как секции были упразднены, национальных работников рекрутировали из числа слушателей Коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. Ю.Ю. Мархлевского (Москва). Так, например, на заседании секретариата крайкома ВКП(б) от 12 февраля 1930 года по вопросу «Об использовании комвузовской (им. Мархлевского) бригады коммунаров-поляков на весенней кампании и коллективизации» принято решение «отправить бригаду из трех человек п/р Шилкевича в Черноморский округ для работы по сплошной коллективизации» [ЦДНИРО. Ф.Р.–7. Оп. 1. Д. 1038. Л. 4. Л. 7об].

По итогу вышеизложенного напрашивается вывод, что при всех издержках, связанных с господствовавшим в стране режимом, само присутствие национальных подразделений в системе властных структур побуждало краевые и местные органы власти учитывать проблемы этнодисперсных групп. В настоящее время не стоит вопрос о полном копировании деятельности прежних национальных подразделений. В то же время целесообразно использование, например, института уполномоченного по делам национальных меньшинств, национальной инспектуры в органах народного образования и т.д., которые способны обеспечить удовлетворение культурно-национальных запросов этнических групп, проживающих за пределами своих государств или не имеющих их.

Библиография

- Акопян Виктор Завенович. 2010. *Severnyj Kavkaz: gosudarstvennoe stroitel'stvo, ekonomika i kul'tura. 1920–1940 gg.* Rostov-na-Donu [Акопян Виктор Завенович. 2010. *Северный Кавказ: государственное строительство, экономика и культура. 1920–1940 гг.* Ростов на-Дону].

- Akopyan Viktor Zavenovich. 2014. *Nacional'nye podrazdeleniya vo vlastnyh strukturah Yuga Rossii (1920–1930-e gg.)*. Rostov-na-Donu [Акопян Виктор Завенович. 2014. *Национальные подразделения во властных структурах Юга России (1920–1930-е гг.)*. Ростов-на-Дону].
- Bogolyubov Aleksandr Aleksandrovich. 2008. *Polyaki na Severnom Kavkaze v XIX–XX vv.* Krasnodar [Боголюбов Александр Александрович. 2008. *Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв.* Краснодар].
- CDNIKK. Centr dokumentacii novejshej istorii Krasnodarskogo kraja [ЦДНИКК. Центр документации новейшей истории Краснодарского края].
- CDNIRO. Centr dokumentacii novejshej istorii Rostovskoj oblasti [ЦДНИРО. Центр документации новейшей истории Ростовской области].
- Sifanova Irina Vladimirovna. 2005. *Pol'skie pereselency na Severnom Kavkaze v XIXveke: osobenosti processov adaptacii*. Diss. ... kand. ist. nauk. Stavropol' [Цифанова Ирина Владимировна. 2005. *Польские переселенцы на Северном Кавказе в XIX веке: особенности процессов адаптации*. Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь].
- GANISK. Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Stavropol'skogo kraja [ГАНИСК. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края].
- Kavkazskij kalendar' na 1910 g.* 1909. Ch. I. Tiflis [Кавказский календарь на 1910 г. 1909. Ч. I. Тифлис].
- Kubanskij statističeskij sbornik. God 1-j.* 1925. Krasnodar [Кубанский статистический сборник. Год 1-й. 1925. Краснодар].
- О reorganizacii aparata SK VKP(b). 1930. Partijnoe stroitel'stvo № 2 (4) [О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б). 1930. Партийное строительство № 2 (4)].
- Pervaya Vseobščaya perepis' naseleniya Rossijskoj Imperii 1897 goda. Vyp. 12. Oblast' vojska Donskogo. 1905 [Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года. Вып. 12. Область войска Донского. 1905].
- Politika Sovetskoj vlasti po nacional'nym delam za tri goda (1917–1920). 1920. Moskva: Gosizdat [Политика Советской власти по национальным делам за три года (1917–1920). 1920. Москва: Госиздат].
- Polozhenie o podotdelah nacmen'shinstv i nacional'nyh sekciyah APO partkomov. 1921. Izvestiya SK RKP(b) № 34 [Положение о подотделах нацменьшинств и национальных секциях АПО парткомов. 1921. Известия ЦК РКП(б) № 34].
- RGASPI. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-političeskoj istorii [РГАСПИ. Российский государственный архив социально-политической истории].
- Rukovodstvo rabotaj sredi nacmen'shinstv. 1924. Izvestiya SK RKP(b) № 3. Mart [Руководство работой среди нацменьшинств. 1924. Известия ЦК РКП(б) № 3. Март].
- «Sovetskij Yug» [«Советский Юг»].
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. 1928. T. V. Moskva: Iz-vo CSU SSSR [Всесоюзная перепись населения 1926 года. 1928. Т. V. Москва: Из-во ЦСУ СССР 1928].

Summary

On the history of the Polish national sections at party and state authorities in the South of Russia (1920s)

This article is devoted to the creation and main activities of the Polish national sections under the party and state authorities in the South of Russia (Don and North Caucasus) in the first Soviet decade (1920s). Special attention is paid to the sections under the committees of the Russian Communist Party (Bolsheviks) – RCP (b), in 1925 renamed All-Union CP (b). In the historical literature on the history of Poles of the region, with rare exceptions, these structures did not attract the attention of researchers. This is due to the negative attitude towards their activities in regional

Polish studies. The author considers that, for all the costs associated with the prevailing regime, the mere presence of the national sections in the system of power structures encouraged the authorities to take into account the problems of Diaspora groups.

Keywords: South of Russia, North Caucasus, Polish sections, repatriation, refugees, Diaspora